

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Рокки Энтони Карл

магистр исторических наук

магистр библиотековедения

независимый исследователь

tony.rocchi@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5682-2949

**ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Аннотация. Терроризм в России между 1866–1911 гг. явился предтечей массового терроризма в современном мире. Многие историки полагают, что терроризм в России явился неудачным средством политической борьбы, так как террористам не удалось достичь своей главной цели — свергнуть самодержавие. Советские историки утверждали, что терроризм был основан на ложных понятиях о революционной борьбе и что террористы заменяли борьбу народных масс интеллигентским единоборством с самодержавием. Такие интерпретации не соответствуют историческим реалиям и нуждаются в определенной корректировке. Несмотря на многие неудачи, левые террористы все же добились некоторых тактических и идеологических целей. Ключевую роль в этом процессе играла организация «Народная воля». Масштабность и продолжительность российского терроризма сильно отличали его от терроризма в европейских странах. Террористам удалось вынудить правительство пойти по пути репрессий, тем самым задержать превращение России в либеральное и конституционное государство европейского типа.

Ключевые слова: Российская империя, самодержавие, терроризм, «Народная воля».

Для цитирования: Рокки Э. К. Победы и поражения политического терроризма в Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 18–30. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Original article

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Rocchi Anthony Carl

Master of Arts (History Specialist)

Master of Library Sciences

Independent Researcher

tony.rocchi@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5682-2949

**VICTORIES AND DEFEATS OF POLITICAL TERRORISM
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

Abstract. Terrorism in Russia between 1866–1911 was the forerunner of mass terrorism in the modern world. Many historians believe that terrorism in Russia was an unsuccessful means of political struggle, since the terrorists failed to achieve their main goal — to overthrow the autocracy. Soviet historians argued that terrorism was based on false concepts of revolutionary struggle and that terrorists replaced the struggle of the masses with intellectual combat against the autocracy. Such interpretations do not correspond to historical realities and require some adjustment. Despite many setbacks, left-wing terrorists were still able to achieve some tactical and ideological goals. The Narodnaya Volya organization played a key role in this process. The scale and duration of Russian terrorism made it very different from terrorism in European countries. The terrorists managed to force the government to take the path of repression, thereby delaying the transformation of Russia into a liberal and constitutional state of the European type.

Keywords: Russian Empire, autocracy, terrorism, “People’s Will”.

For citation: Rocchi A. C. Victories and defeats of political terrorism in the Russian Empire // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 18–30. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Введение. Терроризм в России между 1866–1911 гг. явился предтечей массового терроризма в современном мире. Однако в историографии, как в российской, так и в зарубежной, по разным причинам история российского терроризма еще не получила достаточного освещения.

Традиционно политический терроризм в России считают неудачным средством политической борьбы, так как террористам не удалось свергнуть самодержавие. Более того, советские историки утверждали, что терроризм был основан на ложных понятиях о революционной борьбе и что террористы заменяли борьбу народных масс интеллигентским единоборством с самодержавием. Такие интерпретации не соответствуют историческим реалиям и нуждаются в определенной корректировке. Несмотря на многие неудачи, левые террористы все же смогли достичь некоторых тактических и идеологических целей. Ключевую роль в процессе институционализации терроризма сыграла

организация «Народная воля». Масштабность и продолжительность российского терроризма заметно отличали его от аналогичного явления в Европе. Правительство в ответ на теракты вынуждено было для защиты самодержавия использовать репрессии, что воспрепятствовало трансформации России в конституционную монархию европейского типа. Два поколения террористов демонстрировали свою убежденность в том, что именно террор является наиболее подходящим средством борьбы с произволом самодержавия, получая при этом поддержку широких общественных слоев, в том числе либералов. Более того, они получали поддержку европейской и американской общественности, вдохновляли радикалов в Азии; они заняли почетное место в исторической литературе. Трудно в истории терроризма найти параллели такому длинному списку «достижений».

Все политические партии и движения России вынуждены были определять свои отношения к терроризму и к правительственной борьбе против терроризма. Не только антиправительственное направление российского терроризма, но также и его антилиберальное направление привлекали многих сторонников среди различных политических сил, выступающих против движения империи по европейскому капиталистическому пути.

Терроризм возникает в отдельных странах и регионах в конкретных исторических условиях. Сравнительный анализ позволяет найти элементы преемственности, сходства и различия между террористическими движениями в разных государствах в различные исторические периоды. Характерной чертой российского терроризма является его масштабность и продолжительность во времени. При этом история российского терроризма скорее история пирровой победы, чем история его поражений.

Ход и результаты исследования. Начало революционному террору положило покушение на Александра II, осуществленное 4 апреля 1866 г. бывшим студентом Д. В. Каракозовым, входившим в руководимую Н. А. Ишутиным революционную группу «Организация». Конец революционному террору положила Первая мировая война, вспыхнувшая в августе 1914 г. Таким образом, почти полвека терроризм в России являлся важным фактором политического процесса.

На наш взгляд, в истории русского политического терроризма можно выделить следующие этапы.

Начальный этап (1864–1869): две революционные структуры — упомянутая выше «Организация» и «Народная расправа», руководимая С. Г. Нечаевым. Самыми заметными террористическими акциями стали покушение на императора и убийство членами «Народной расправы» своего товарища, студента И. И. Иванова.

Первый период-лагуна (1870–1878): становление революционного народничества, «хождение в народ» и создание организации «Земля и воля».

Первая волна терроризма (1878–1894): начало было положено 24 января 1878 г. покушением В. И. Засулич на петербургского градоначальника

Ф. Ф. Трепова. Но главным событием станет убийство Александра II, совершенное 1 марта 1881 г. террористами «Народной воли», организации выделившейся из «Земли и воли» и олицетворявшей собой революционное движение в этот период. К 1884 г. «Народная воля» была практически полностью разгромлена полицией, однако вплоть до 1894 г. предпринимались попытки ее воссоздать, впрочем, безуспешные.

Второй период-лакуна (1894–1900): характеризовался появлением новых политических партий и движений, в том числе и неонароднического типа (в будущем — Партия социалистов-революционеров, вновь взявшая на вооружение террор).

Вторая волна терроризма (1901–1911): период включил в себя бурные события Первой русской революции, когда массовое насилие (политический террор, правительственные репрессии, протестные движения, криминал) стало обыденностью. Закончился он покушением на председателя Совета Министров П. А. Столыпина, совершенным революционером и провокатором Д. Г. Богровым 1 сентября 1911 г.

Третий период-лакуна (1911–1914): характеризуется стремлением части общероссийских (анархисты, эсеры) и окраинных национальных партий возобновить террористические атаки на самодержавие, окончательно прекратившиеся с началом Первой мировой войны.

Эпоха политического террора в России совпадала с европейской «эпохой динамита» (примерно 1870–1914 гг.). В Европе главным действующим лицом были анархисты (Франция, Италия, Испания), жертвами которых стали десятки человек, и националисты (Турция, Ирландия, Балканский регион), число жертв которых, как минимум, на порядок выше. Так, исследовательница из Нидерландов Б. Деграаф утверждает, что в результате терактов, совершенных анархистами в Европе и Америке, погибло 160 человек, более 500 получили ранения¹. А, например, в маленькой Македонии только за один 1907 г. отмечено 1370 убийств, совершенных националистами². В России до начала XX в. террористами было убито не более 100 человек³. Однако с началом нового столетия количество жертв политического террора стало возрастать по экспоненте, особенно в годы Первой русской революции. По сведениям американского историка А. Гейфман, в 1905–1907 гг. общее число жертв террора (убитых и раненых) составляет около 9 тыс. человек: среди них только около половины являлись чиновниками и представителями силовых структур, остальные — случайными жертвами. А с 1901 по 1911 г. от рук террористов погибли и пострадали более 17 тыс. человек⁴. Революционный террор в России

¹ De Graaf B. The black international conspiracy as security dispositive in the Netherlands, 1880–1900 // Historical Social Research // Historische Sozialforschung. 2013. Vol. 38. № 1 (143). P. 144.

² Gawrych G. W. The culture and politics of violence in Turkish society, 1903–14 // Middle Eastern Studies. 1986. Vol. 22. № 3 (Jul.). P. 309.

³ Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton NJ, 1993. P. 3.

⁴ Ibid. P. 21.

имел весьма негативные последствия для общества. Его жертвами становились представители разных сословий, классов, национальностей и вероисповеданий, а сочетание разновидностей насилия — террористического, массового, уголовного и правительственного, — без сомнений, вызывало массовую психологическую травматизацию населения.

Первая российская революция впервые в истории включила в себя террористическую составляющую, которая способствовала превращению революции в гражданскую войну. Хотя сторонники политического террора заявляли, что они используют его лишь в сочетании с массовыми народными движениями, это не соответствовало действительности. Наибольшей остроты политическое противостояние достигло на окраинах империи, где его подпитывали социально-экономические, этнонациональные и религиозные противоречия. В первую очередь речь идет об Украине, Бессарабии, Белоруссии, Царстве Польском, Прибалтике и Кавказе. Именно там своего наибольшего размаха достиг и политический террор, участие в котором принимали представители как общероссийских, так и национальных партий⁵.

В «эпоху динамита» в европейских странах в терроре принимали участие лишь анархисты и националисты. В России же террор поддержал гораздо более широкий спектр политических движений. Во-первых, это общерусские социалистические партии — эсеры и социал-демократы (несмотря на отрицание пользы индивидуального террора и большевистскими, и меньшевистскими лидерами); во-вторых, различные анархические группы, считающие политический террор пропагандой действием и стихийными актами народной мести; в-третьих, национальные социалистические партии, в первую очередь еврейские, латышские, армянские и польские; и, наконец, в-четвертых, монархические (черносотенные) партии.

Участие национальных партий в террористической деятельности ознаменовало собой своеобразную интернационализацию российского терроризма. Вероятно, националистический терроризм в Российской империи явился побочным продуктом правительственной политики русификации окраинных народов, предполагавшей в том числе и русификацию среднего и высшего образования, что предоставило инородцам возможность познакомиться с русским радикализмом. Многие представители окраинных народов осуществляли террористическую деятельность, будучи членами общеимперских партий и движений. А боевые дружины польского Народного рабочего союза мишенью своих террористических актов считали не только русских чиновников, включая школьных инспекторов, но и поляков — членов социалистических партий⁶.

Правый террор также представляет определенный интерес, хотя черносотенцы и совершили всего три или четыре теракта: против рабочего Мухина,

⁵ Подробнее см.: Рокки Т. Российская революция 1905–1907 гг. как первая гражданская война в Европе в XX веке // История. Историки. Источники. 2022. № 4. С. 51.

⁶ Geifman A. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. P. 28.

вступившего в боевую дружину СРН в качестве агента РСДРП; членов Государственной думы М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса и, возможно, А. Л. Караваева. Таким образом, жертвами правого террора можно считать максимум четырех (!) человек⁷. Сравните с тысячами жертв революционного террора. Однако в провинции черносотенные партии практически не использовали политический террор⁸; исключением являлись одесские монархические организации⁹.

Правый террор возник после Манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего гражданские свободы, в том числе и создание политических партий. Лидеры монархического лагеря пришли к выводу, что в условиях политических свобод самодержавие не может защитить себя собственными силами. Таким образом, как и их предшественники из «Священной дружины», черносотенцы полагали, что они для защиты самодержавия вправе использовать те же методы борьбы, что и их политические противники, и противопоставить левому террору террор правый. Однако самодержавие вовсе не собиралось делить свое монопольное право на насилие даже с самыми лояльными элементами из монархического лагеря. К тому же правый лагерь вел непримиримую борьбу с царской бюрократией, доведшей, по мнению монархистов, страну до революции.

Эсеры-максималисты, анархисты и левые маргинальные группы выступали за неограниченный терроризм. Однако таких же взглядов порой придерживались и многие рядовые эсеры, большевики, меньшевики и представители национальных партий. Все попытки левых партийных руководителей прекратить или хотя бы приостановить терроризм потерпели крах. Поклонники террора в различных партиях возмущались попытками своих вождей, особенно в эмиграции, контролировать всю революционную работу и препятствовать осуществлению террористических актов. Ведь боевики в России рисковали своими жизнями, тогда как их руководители в эмиграции, сидя в удобных креслах вели бесконечные дискуссии о допустимых и недопустимых методах революционной борьбы. Партийные лидеры также не сумели воспрепятствовать совместному осуществлению террористических акций представителями различных партий и движений. Следовательно, можно говорить о существовании единого террористического фронта, объединяющего рядовых боевиков левых партий.

Дискуссионным является вопрос о большевистском терроре. Советские историки часто цитировали осуждение В. И. Лениным в 1902 г. эсеровского

⁷ *Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 297.

⁸ *Омельяничук И. В.* Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022. С. 228; *Его же.* Политический террор и правое движение (на примере Владимирской губернии) // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 716.

⁹ *Омельяничук И. В.* Правые партии в Одессе в 1904–1917 годах // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 634–636.

терроризма¹⁰. Многие зарубежные историки принимали ленинские слова за чистую монету. Однако Ленин проводил довольно гибкую политику в отношении терроризма. В начале 1906 г. он призывал большевиков организовать боевые дружины и проводить партизанские действия¹¹ в ходе революционного восстания. В монографии «Исторический опыт трех российских революций» говорилось о создании боевой технической группы при большевистском ЦК и боевых дружин. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что бомба перестала быть оружием индивидуального террора, став оружием народного восстания. Большевики поддерживали крестьянские партизанские выступления на национальных окраинах, особенно на Кавказе и в Прибалтике. Такая партизанская деятельность после подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., была направлена на дезорганизацию сил врага и предполагала не только организацию самообороны, но и нанесение ударов по полицейским участкам, низовым административным учреждениям, освобождение арестованных и т. д.¹² Как видим, большевистский террор в теории представлял собой борьбу восставшего народа против правительственной армии и не носил индивидуального характера. В остальном же он мало отличался от эсеровского и других вариантов терроризма.

Так как террор занимал важное место в политической повестке России начала XX в., то представителям всех политических партий и движений пришлось определить свою позицию в отношении революционного террора и контртеррористической деятельности власти. Отношения различных политических сил к террору варьировались от полной поддержки до полного неприятия.

Отколовшиеся от эсеров в 1906 г. энесы (Народно-социалистическая партия) в своей деятельности не использовали террор, но тем не менее считали, что он (при определенных исторических условиях) является приемлемым способом борьбы для нелегальных партий. Думская фракция трудовиков разделяла эту позицию¹³. Сложнее определять отношения левых национальных партий к терроризму. Часть из них входила в блоки с эсдеками и эсерами, разделяя их позицию по отношению к политическому террору.

Левоецентристская Конституционно-демократическая партия безусловно осуждала правый терроризм, но отказывалась при этом осудить терроризм левый, надеясь, что последний вынудит правительство пойти на уступки. При этом кадеты обвиняли самодержавие в излишне жестокой репрессивной политике по отношению к оппозиции. Член Государственной думы И. Н. Пустошкин

¹⁰ Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // ПСС. 5-е изд. Т. 6. М., 1963. С. 373.

¹¹ Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии // ПСС. 5-е изд. Т. 12. М., 1968. С. 180–181.

¹² Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985. С. 366–378, 382.

¹³ Сытченко А. В. Народные социалисты и террор // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX в.): материалы конференции. М., 1996. С. 91.

заявил: «Помните, что Христос тоже был объявлен преступником и подвергся постыдной казни на кресте. Прошли годы, и этот преступник — Христос — завоевал весь мир и стал образцом добродетели. Отношение к политическим преступникам аналогично акту насилия со стороны властей»¹⁴. Лишь после убийства П. А. Столыпина в 1911 г. партия кадетов осудила терроризм, назвав его морально и юридически неприемлемым, а политически — бессмысленным¹⁵.

Либерально-консервативный «Союз 17 октября» был более последователен в своем отношении к террору. С трибуны I Думы октябристы заявили, что партия выступает против «убийств, от кого бы они не исходили»¹⁶. А. Гейфман полагает, что они осуждали левый и правый терроризм по моральным соображениям¹⁷. По отношению же к правительственным репрессиям взгляды представителей «Союза 17 октября» существенно разнились. Часть из них полностью одобряла действия властей, другие же утверждали, что правительственные репрессии подрывали законность в России не меньше, чем революционный террор.

Правые партии безоговорочно осудили революционный террор. По мнению И. В. Омелянчука, «если оппозиция рассматривала террор как действенный способ защиты населения от произвола властей, то правые — как защиту того же населения, но уже от революционного произвола»¹⁸. При этом, полагает исследователь, «учитывая значительную пропагандистскую силу революционных терактов, исполнители которых становились кумирами значительной части “прогрессивного общества”, возможно, что и лидеры черносотенного движения рассчитывали громкими силовыми акциями способствовать росту популярности правых партий в среде традиционалистов»¹⁹. Однако далеко не все монархисты одобрили политический террор справа. Ведь для них каждый акт насилия явился нарушением порядка и первым шагом к разрушению общественного строя (на тот момент — самодержавия)²⁰. «А после окончания революции все черносотенные партии осудили террор. Но джин уже был выпущен из бутылки, поэтому силовые акции (не сопровождавшиеся убийствами), продолжались еще некоторое время. Объяснялось это тем, что многие боевые организации монархистов попросту не выполняли указаний своих партийных руководителей (картина характерная не только для черносотенного лагеря), а также и тем, что в правые организации, пользуясь упрощенным порядком

¹⁴ *Geifman A.* The kadets and terrorism, 1905–1907 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1988. Bd. 36. H. 2. P. 260.

¹⁵ *Stockdale M. K.* Politics, morality, and violence: kadet liberals and the question of terror, 1902–1911 // *Russian History*. 1995. Vol. 22. № 4 (Winter). P. 459.

¹⁶ *Пазин Р. В.* «Союз 17 Октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 4 (27). С. 62.

¹⁷ *Geifman A.* The Kadets and Terrorism, 1905–1907. P. 252–253.

¹⁸ *Омелянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. С. 297.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Rogger H.* Was there a Russian fascism? The Union of Russian People // *The Journal of Modern History*. 1964. Vol. 36. № 4 (Dec.). P. 405.

приема новых членов, вступали люди самых разных моральных качеств, в том числе и не самых высоких»²¹.

Как и в XIX в., правительство не могло рассчитывать на полную поддержку общества в лице партий и движений в своей борьбе против террора, который оставался своеобразным единоборством между самодержавием и обществом.

Во многом победы и поражения терроризма в XX в. были продолжением успехов и неудач «Народной воли». Эта организация занимает ключевое место в истории российского терроризма и особое, иногда почетное, место в истории мирового терроризма. Почти все революционеры считали народовольцев своими предшественниками. Первые российские марксисты долго не могли отречься от народовольческого наследия. По мнению О. В. Будницкого, даже В. И. Ульянов (Ленин) не избежал этого, начав свою политическую карьеру народовольцем²². А его брат А. И. Ульянов возглавлял террористическую фракцию «Народной воли».

Народовольцы своими террористическими ударами потрясли основы самодержавия, и последующие поколения революционеров не теряли надежду на повторение такого успеха. Кроме того, пример самоотверженной борьбы народовольцев с самодержавием вдохновлял следующие поколения революционеров и внушал им, что отказ от революционной деятельности будет предательством памяти народовольческих мучеников.

Именно народовольцы и определили основные цели политического террора для своих последователей:

- защита революционного движения от карательных органов самодержавия и провокаторов;
- дезорганизация правительства посредством террористических актов, направленных против его представителей;
- пропаганда революции среди населения;
- принуждение правительства к политическим уступкам и расширению политических свобод, что должно привлечь к союзу с революционерами умеренные либеральные силы.

Главной целью народовольческого террора являлось уничтожение самодержавия с помощью царубийства. Физическая ликвидация монарха, по мнению народовольцев, открывала три сценария дальнейшего политического процесса в России: 1) социальная и политическая революция; 2) военный переворот и проведение социалистической революции сверху; 3) вынужденные уступки правительства, создающие необходимые условия для социалистической революции. Народовольцы исходили из существования фундаментального отличия между русским и европейскими государствами. По их мнению, на Западе

²¹ *Омельячук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. С. 297.

²² *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М, 2016. С. 345–348.

государство было создано обществом, в России же, наоборот, все общественные институты (бюрократия, армия, церковь, дворянство, буржуазия и др.) были созданы государством. В обмен на полученные привилегии они полностью отказались от самостоятельности по отношению к власти. Такое понимание сущности русского государства народолюбцами обусловило их выбор царевубийства в качестве способа политической борьбы, следствием которого стали бы крушение самодержавного государства и распад эксплуататорского общества. Однако, как показали дальнейшие события, к распаду и гибели русского государства привело не убийство монарха, а его отречение и захват власти либералами в феврале 1917 г.

Кроме продекларированных народолюбцы преследовали и две латентные цели: во-первых, спровоцировать самодержавие на проведение репрессивного курса, жестокость которого подтолкнет население к решительным революционным действиям или хотя бы создаст условия для совершения государственного переворота; во-вторых, не допустить продвижения России по капиталистическому пути и либерализации ее политической системы. Народолюбцы, как все народники, считали, что Россия может миновать капиталистическую стадию развития и сразу перейти к социализму, построенному на фундаменте русской крестьянской общины. Либеральная же политическая система приведет к власти буржуазию и даст ей новые рычаги для эксплуатации народа. И этой цели им удалось достичь: Александр II незадолго до своей гибели от рук террористов согласился привлечь представителей земств к обсуждению законопроектов в Государственном совете (так называемая Конституция М. Т. Лорис-Меликова). Однако смерть императора не позволила довести этот проект до стадии реализации: его преемник — император Александр III — провозгласил незыблемость самодержавия. Т. Самуэли так оценил последствия народолюбческого террора: «“Народная воля” совершила блестящую победу в своем самопожертвовании за революционное дело. Конституционное буржуазное развитие России было остановлено. Процесс развития России в лоне европейской либеральной государственности был возобновлен только 25 лет позже и к тому времени, это было слишком поздно»²³.

Заключение. Далеко не все продекларированные народолюбцами цели были достигнуты. Террористам, несмотря на убийства многих полицейских чинов и агентов охраны, так и не удалось защитить свою организацию от правительственных репрессий и провокаторов. Деятельность одного из них — С. П. Дегаева, агента жандармского полковника Г. П. Судейкина, — привела к разгрому исполнительного комитета «Народной воли». Во главе боевой организации партии эсеров долгое время стоял агент охраны Е. Ф. Азеф, выдавший многих своих товарищей. Народолюбцам не удалось также разжечь

²³ *Szamuely Tibor. The Russian tradition. London, 1974. P. 368.*

в стране революционный пожар. Прямой связи между осуществленными террористическими атаками на самодержавие и массовым протестным движением не обнаруживается.

В вопросе же принуждения правительства к политическим уступкам народолюбцы добились гораздо большего успеха. Примером этому служит упомянутый выше проект М. Т. Лорис-Меликова. Однако Манифест 17 октября 1905 г., действительно вводивший конституционные начала в политическую систему России, был вызван к жизни отнюдь не успешными террористическими актами, а массовым протестным движением, охватившим практически все слои населения империи.

К началу XX в. в Европе наблюдалось определенное разочарование в либерализме, что, по мнению некоторых исследователей, послужило одной из главных предпосылок фашизма, нацизма и родственных им политических движений²⁴. Народолюбцы же, блокировав с помощью террора развитие в России либерального капитализма, поставили тем самым непреодолимый барьер на пути развития фашистских идеологий в России, исключив из политического опыта населения империи даже саму возможность разочарования в буржуазном либерализме.

Таким образом, российским террористам не удалось свергнуть самодержавие, однако их деятельность имела масштабные последствия как для России, так и для всего мира. Их тактика в последующем была взята на вооружение многими террористическими движениями.

Литература

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2016. 383 с.
2. Исторический опыт трех российских революций: в 3 кн. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. М.: Политиздат, 1985. 575 с.
3. Омелянчук И. В. Политический террор и правое движение (на примере Владимирской губернии) // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 690–743. DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-3-2
4. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. // *Вопросы истории консерватизма*. 2015. № 1. С. 279–307.
5. Омелянчук И. В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М.: МГПУ, 2022. 444 с.
6. Омелянчук И. В. Правые партии в Одессе в 1904–1917 годах // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 1. С. 621–642. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-621-642
7. Пазин Р. В. «Союз 17 Октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 4 (27). С. 60–67.

²⁴ Подробнее см.: *Payne Stanley G. A. History of fascism, 1914–1945*. Madison WI, 1995. P. 23–70.

8. Рокки Т. Российская революция 1905–1907 гг. как первая гражданская война в Европе в XX веке // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2022. № 4. С. 46–55. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49918654_36799447.pdf
9. Сыпченко А. В. Народные социалисты и террор // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX в.): материалы конференции. М.: Мемориал, 1996. С. 87–96.
10. De Graaf B. The black international conspiracy as security dispositive in the Netherlands, 1880–1900 // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2013. Vol. 38. № 1 (143). P. 142–165.
11. Gawrych G. W. The culture and politics of violence in Turkish society, 1903–14 // Middle Eastern Studies. 1986. Vol. 22. № 3 (Jul.). P. 307–330. DOI: 10.1080/00263208608700668
12. Geifman A. The kadets and terrorism, 1905–1907 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1988. Bd. 36. H. 2. P. 248–267.
13. Geifman A. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993. 376 p.
14. Payne Stanley G. A History of fascism, 1914–1945. Madison WI: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
15. Rogger H. Was there a Russian fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. 1964. Vol. 36. № 4 (Dec.). P. 398–415.
16. Stockdale M. K. Politics, morality and violence: Kadet liberals and the question of terror, 1902–1911 // Russian History. 1995. Vol. 22. № 4 (Winter). P. 455–480.
17. Szamuely Tibor. The Russian tradition. London: Secker & Warburg, 1974. 591 p.

References

1. Budnitskii O. V. Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIXth – early XXth century)]. 2-e izd., dop. Moscow: ROSSPEN, 2016. 383 p. (In Russ.).
2. Istoricheskii opyt trekh rossiiskikh revoliutsii: v 3 knigakh. Kniga 1. General'naya repetitsiya Velikogo Oktiabria: Pervaya burzhuazno-demokraticheskaia revoliutsiya v Rossii [Historical experience of three Russian revolutions. Book 1. Dress rehearsal of the Great October: The first bourgeois-democratic revolution in Russia]. Moscow: Politizdat, 1985. 575 p. (In Russ.).
3. Omeliyanchuk I. V. Politicheskii terror i pravoe dvizhenie (na primere Vladimirskoi gubernii) [Political terror and the right-wing movement (The case of Vladimir Governorate)] // Historia Provinciae — the Journal of Regional History. 2021. Vol. 5. № 3. P. 690–742. (In Russ.). DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-3-2
4. Omeliyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii v 1901–1917 gg. [The Black Hundred movement in the Russian Empire in 1901–1917] // Voprosy istorii konservatizma. 2015. № 1. P. 279–307. (In Russ.).
5. Omeliyanchuk I. V. Gubernskie pravye (stanovlenie i evoliutsiya konservativnogo kryla partiinoi sistemy Rossii na primere Vladimirskoi gubernii) [Provincial right (formation and evolution of the conservative wing of the Russian party system using the example of the Vladimir province)]. Moscow: MGPU, 2022. 444 p. (In Russ.).

6. Omeliyanchuk I. V. Pravye partii v Odesse v 1904–1917 godakh [Right-wing parties in Odessa in 1904–1917] // Essays on Conservatism. 2020. № 1. P. 621–642. (In Russ.). DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-621-642
7. Pazin R. V. «Soiuz 17 Oktiabria» i politicheskii terror nachala XX veka [“The Union of October 17” and political terror of early XXth century] // Perm University Herald. History. 2014. Iss. 4 (27). P. 60–67. (In Russ.).
8. Rocchi T. Rossiiskaia revoliutsiia 1905–1907 gg. kak pervaiia grazhdanskaia voina v Evrope v XX veke [The Russian revolution of 1905–1907 as the first civil war in Europe in the XXth century] // Istoriiia. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2022. № 4. P. 46–55. (In Russ.). URL: chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglefindmkaj/https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49918654_36799447.pdf
9. Sypchenko A. V. Narodnye sotsialisty i terror [People’s socialists and terror] // Individual’nyi politicheskii terror v Rossii (XIX – nachalo XX v.): materialy konferentsii. Moscow: Memorial, 1996. P. 87–96. (In Russ.).
10. De Graaf B. The black international conspiracy as security dispositive in the Netherlands, 1880–1900 // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2013. Vol. 38. № 1 (143). P. 142–165.
11. Gawrych G. W. The culture and politics of violence in Turkish society, 1903–14 // Middle Eastern Studies. 1986. Vol. 22. № 3 (Jul.). P. 307–330. DOI: 10.1080/00263208608700668
12. Geifman A. The kadets and terrorism, 1905–1907 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1988. Bd. 36. H. 2. P. 248–267.
13. Geifman A. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993. 376 p.
14. Payne Stanley G. A History of fascism, 1914–1945. Madison WI: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
15. Rogger H. Was there a Russian fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. 1964. Vol. 36. № 4 (Dec.). P. 398–415.
16. Stockdale M. K. Politics, morality and violence: Kadet liberals and the question of terror, 1902–1911 // Russian History. 1995. Vol. 22. № 4 (Winter). P. 455–480.
17. Szamuely Tibor. The Russian tradition. London: Secker & Warburg, 1974. 591 p.